

Первая мысль при виде Лазаревой: Господи, что сделала с ней жизнь! Меловой бледности лицо, синие мешки под глазами, неопрятные седые волосы забраны в пучок, трясущиеся руки, одета в закрытое наглухо серое платье до пят и пиджак, черный, суконный, типа бушлата...

— Таня, что это?!
— Успокойся, это грим. Я сейчас буду изображать старушку. Кто-нибудь! Отцепите парик, меня люди пугаются!

Читатель простит мне «тыканье», ибо Лазареву я помню еще по тем временам, когда она была звездой новосибирского Академгородка, где пела в ансамбле «Амиго», что было в городке очень престижно. Впоследствии она играла в КВН, откуда плавно перекочевала сначала в «О.С.П.», а потом и в шоу «Пальчики оближешь». Большинство сограждан, однако, при виде ее дружно выдыхает: «И шу-у-убы!», поскольку по количеству экранного времени эта реклама уже догнала все прочие лазаревские программы. Хотя, конечно, нам она дорога не этим.

«Если бы еще и «Пальчики» были, я бы просто свихнулась»

— Таня, не странно ли нормальному человеку, не совершившему ничего исключительного, вдруг ока-

до вечера. Это тоже изматывает, но, по крайней мере, знаешь, что делаешь правильное дело.

— Из чего состоит твоя жизнь, кроме семьи и телевидения?

— Из подготовки программы — я отвечаю за приглашение звезд. На каждый блок это девять человек, которых надо искать среди трех десятков кандидатов. И песни — организация, запись, обсуждение. Эти два больших дела целиком на мне, не считая работы на свадьбах-презентациях-похоронах...

— Похороны?!

— Юбилей, свадьбы. Самая веселая дата. Самое время позвать клоунов.

— И можно заказать «О.С.П.-студию»?

— Лег-ко! Были случаи. Тот же концерт, по сути. Не то что мы там эту свадьбу обслуживаем, как официанты или тамады. Хотя можем и тамадами...

— И водку из тупли...

— Ну нет.

— А если бы можно было зарабатывать деньги другим способом, без телевидения, — стала бы?

— Пока такого вопроса не сто-

ит, да и не умею я по большому счету ничего особенного делать. Сложный вопрос — особенно если он связан с переездом в другую страну, о чем окружающие все больше говорят в свете последних событий. Но вообще неправильно в таком возрасте начинать работать официанткой или уборщицей.

— У вас дома вообще поднимается вопрос об эмиграции?

— Только в шутку. Когда съездили в Америку, несколько недель об этом были разговоры.

— В свете упомянутых событий нет соблазна куда-нибудь ударить из Москвы?

— Первые дни была большая паника. Думали с Мишей (Михаил Шац, муж и соратник по «О.С.П.-студии» — И. Л.), куда уехать от терактов, куда отослать детей. Но некуда — в Подмоскovie у нас ни дачи, ничего, а в Новосибирск или в Питер, к нашим родителям, — так дети слишком маленькие. Уехать самим и бросить работу — тоже не выход.

— В дозор ходите?

— Не ходим. Мы в доме мало с кем общаемся. Квартиру снимаем — хорошо еще, нас хоть за это не взяли, а то ведь незаконно там живем.

— А перерегистрироваться в трехдневный срок?

— Какая перерегистрация, у нас и регистрации нет. Живем без прописки, так что у нас с Мишей и Андреем Бочарова («тупой сынок», если вы смотрите «О.С.П.» — И. Л.) вся надежда на то, что пока в лицо узнают.

— Отчего ты ушла из «Пальчи-

ков»? — Просто так совпало, что я доснялась до рождения Соньки — до второго ребенка, да мы так и договаривались. Стало понятно, что я не потяну две передачи, тяжело. Доснимали уже в августе, на девятом месяце, по ужасной жаре. Если бы еще были

«Пальчики», я бы просто свихнулась.

«Когда сердят, я ору, а могу и наподдать»

— Закономерно ли, что твоя жизнь сложилась так, как она сложилась, — или это дело чистого случая?

— Трудно сказать. Каждому человеку жизнь подбрасывает разные случаи, другое дело, воспользуется он этим или нет. Я ведь могла и не поехать в Москву, когда меня приглашали пять лет назад. Я уезжала в полной уверенности, что это просто очередная тусовка, все скоро развалится и я вернусь. Тогда еще все могло повернуться вспять, но я думаю, что правильно воспользовалась этим шансом. Тем более что в Москве были трудные периоды, когда хотелось на все плюнуть и уехать — когда была одна с первым ребенком. Но и тогда взяла себя в руки. Все-таки Москва — это шанс, это мегаполис, все дороги идут через нее.

— В недавнем интервью тебя называют бизнес-вумен. Во всяком бизнесе должно быть ощущение перспективы, представление о том, куда двигаться дальше. Или пока все ограничивается «О.С.П.-студией»?

— Пока да. Потому что она себя еще не исчерпала. Если бы это был один человек, тогда можно было бы говорить о пределах, но нас пятеро, а сочетание пяти человек в различных позициях бесконечно.

— В замкнутой группе из пяти человек, занятых одним делом, наверное, легко пересобачиться друг с другом насмерть.

— Случается, но не до такой степени. Мы уже переболели всеми болезнями тщеславия и неудовлетворенности, они уходят с возрастом. Мы становимся все более близки друг другу, более терпимы, все недостатки-то наши нам давно известны. Понятно, что если я сорвусь и на всех

наору, как у меня бывает, — да и у всех бывает, — то народ знает, что через день я успокоюсь и все пойдет, как надо.

— А есть рецепт, как справиться с гневом? Или наорать — и все!

— Стати, неплохой рецепт. Так и делаю.

— А если дети сердят?

— Также ору. Могу даже наподдать как следует. Соне-то, конечно, нет пока, но ее то же ожидает, что и Степу. Вообще поскольку мы видимся редко, то и сердят они меня редко. Скорей, мы их балуем.

«Если б я с мужем говорила о работе, до постели вообще бы не доходило»

— Как ты сама относишься к дубленочной серии?

— Хорошо отношусь. Мне кто-то даже сказал, что настолько у нас там приятные морды, что не хочется даже выключать — то есть переключают телевизор, уже досмотрев нашу рекламу.

— У меня в такой дубленке тоже была бы приятная морда...

— Реклама нами воспринимается нормально, как и все, что приносит деньги. Как говорил новосибирский друг Тарас Шумный, «музыкантам и проституткам все равно, какая власть». Это нормальные средства, которые позволяют нам производить передачу, потому что финансовые трудности нас все равно преследуют.

— Существует мнение, что супругам следует работать отдельно, чтоб не устраивать в постели производственных совещаний...

— Знаю, что есть такое мнение. Но у меня перед глазами пример родителей, которые всю жизнь проработали вместе в физматшколе. И все у них было нормально. А сейчас думаю, если бы мы с Мишей, возвращаясь в девять вечера, еще и расскачивали бы друг другу, что у каждого на работе, — то до постели и вовсе бы не доходило. До утра бы продолжались разговоры.

— Что привносит в твою жизнь положение телеперсоны, ньюсмейкера, общественной фигуры?

— У нас все-таки в стране такого статуса нет. С одной стороны, тебя считают звездой, с другой — точно так же, если не с большим удовольствием, облают в магазине. Этого можно ожидать. Но у меня принцип: если что-то в жизни доставляет неудобства, то я в свою очередь могу пользоваться плюсами этой ситуации. Например, при общении с представителями ГИБДД.

— Действительно прощают!

— Да. Я, правда, и не нарушаю, но всех ведь сейчас останавливают. Узнают, жмут руку и отпускают.

Ирина ЛУКЬЯНОВА.

Татьяна Лазарева: я жуточно виновата перед своими детьми

заться в таком положении, когда к нему верницей тянутся журналисты и поклонники, чего-то ждут, хотят открытий!

— Оч-чень своевременный вопрос. Так оно и произошло, и действительно раздражает. Пытаешься совместить жизнь нормального человека, каким по сути являешься, и другую — знакомую со стороны, потому что сам в свое время брал автографы. Я, правда, не брала, но хотелось иногда. Я в этом смысле человек не очень легкий, бывает, иногда и обижаю людей, которые в самых неожиданных ситуациях подходят за автографом — даже в туалетах.

— На чем же они расписаться просят?

— Не волнуйся, находят. Но поскольку к этому тоже привыкаешь, я начинаю анализировать ситуацию и понимать: если люди этого хотят, то им это зачем-нибудь нужно, так что пытаюсь сдерживаться.

— Не хочется от этого ужаса вернуться в Академгородок, к березкам-сосенкам-белочкам?

— Хочется. Это желание не угасает, но становится все менее осуществимым. Если в начале этой карьеры я думала, что могу все бросить, уехать в Академ, там работать и жить, как прежде, то теперь это невозможно. Тогда появляется другое: еще чуть-чуть поработать, заработать не только на квартиру, но и на дом, — и можно все бы и бросить. Правда, уехать уже не получится. Но можно будет хотя бы попробовать вести нормальный образ жизни, заняться детьми, потому что возраст у них как раз тот, когда...

— Сколько им!

— Четыре года и год. Лет через пять-десять я им вряд ли буду так нужна.

— Часто появляется желание послать все подальше!

— Я все-таки человек ответственный и понимаю, что это не так легко. Скорее в минуты слабости... В основном это не из-за неудач на работе, а из-за детей. Ощущение вины перед ними очень гложет. Я так мало с ними общаюсь, так хотелось бы больше с ними быть, больше им помогать. Сразу хочется домик с занавесочками.

— А получается хоть изредка, чтоб целый день с ними?

— В основном в выходные, когда они у нас есть. В субботу-воскресенье мы вынуждены обходиться без нянь: им тоже надо когда-то отдыхать. Бывают дни, когда мы с ними с утра

